

УДК 001+37:1

Н.С. Некрасов
УГАУ, Екатеринбург**КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Интерес к повседневности в новом мифологическом сознании обыденной жизни в XXI в. связан с тем, что сегодня в мире упадка классического проекта «Модерна» эпохи Просвещения возникли несколько радикально друг от друга отличающихся социумов – реализованный проект «Постмодерна» (Запад), реализующийся в арабском мире в духе ориентализма и погружения в регресс западными державами проект «Контрмодерна», успешно осуществляющийся региональный Модерн на Дальнем Востоке и в континентальном Китае. В этом мире столкновения глобальных проектов у России с ее евразийскими союзниками по БРИК и ШОС остается одна возможность – вписаться в один из проектов. Или нам следует реализовать собственный русский «Сверхмодерн», подобный рывку, совершенному Советской Россией в 30 гг. прошлого столетия. Такой прорыв возможен только на базе адекватного понимания собственного социума и разработки своих гуманитарных технологий для адаптации традиционной психологии к новой повседневности собственного проекта. Именно при реализации этого императива истории Российская Федерация как временное образование на обломках СССР станет исторической Россией.

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, нам нужна наука, методологически и понятийно адекватная нашему социуму и нашему типу личности, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных или восточных традиционалистских схем изучения габитуса. Аналогичным образом нужны «свои обществоведения», а точнее – социальные системологии для каждой крупной исторической системы. Последних на всю историю человечества и наши дни не так уж много – шесть-семь, в зависимости от угла зрения. Для каждой системы должен быть найден и внедрен в употребление свой понятийный аппарат, свой набор дисциплин, свой язык. Так, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма – науки о Западе. Известно, что Запад не удовлетворил марксов «азиатский способ производства» и создал ориентализм – науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. Именно поэтому книги А. А. Зиновьева о Западе как неангажированный взгляд извне чрезвычайно востребованы на самом Западе, несмотря на все их шокирующие названия: «Глобальный человек», «Западнизм». Личность западного человека автор называет достаточно смело – «западоид».

Итак, всем нам нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах, а также научная культурологическая интегральная гуманитарная дисциплина, делающая универсальными эти науки. Гуманитарные технологии станут главными в битвах XXI в. за посткапиталистическое будущее. Сегодня изживают себя универсалистские гуманистические ценности эпохи Просвещения и западные гуманитарные технологии, породившие проект архаичного фашизма - вместе с эпохой Просвещения исчезает Модерн, капитализм, но завершается сам библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет.

Мы исходим из того, что создаваемая новая социальная мифология повседневности является одним из основных элементов современной социокультурной ситуации, так как ее основы были заложены древним языческим наследием, обеспечивающим скрытое развитие культуры и направляющим социокультурные процессы. Социальная мифология подспудно формирует господствующую светскую идеологию и представляет собой систему инвариантных представлений, заставляющих общество постоянно «проживать» опыт предков, разгадывать древние социокультурные коды, представленные в мифологических формах. Сейчас наш народ мучительно размышляет над исторической миссией огромного пространства оставленного ему многочисленными поколениями предков в кольчугах и кафтанах, буденовках, фуражках и бейсболках. Недаром прежний директор Института российской истории РАН А.Н. Сахаров сообщал при невозможности дать прямой ответ на вопрос о судьбах России, что он просто «верит в мистическую силу русской равнины».

Важнейшими составляющими русской социальной мифологии являются категории Рода как принципа социальной организации, Правды как определяющей и направляющей силы всех социальных процессов. Она содержит правила, на которые следует опираться человеку, выступает как связующее звено между идеологом правды и исполнителем. Поскольку данные категории формируются в языческих представлениях, они продолжают работать в разных социокультурных моделях жизни страны и ее народа. Любое проникновение «чуждых» мифологических систем в российскую культуру, способно вызвать изменения в текущем социокультурном процессе, что может привести к нарушению социальной организации и гибели культуры. Само принятие научного представления о российской социальной мифологии как социокультурном феномене может означать обретение социумом самостоятельного статуса в мировом социокультурном пространстве, что необходимо для создания равноправного взаимодействия с культурами мира.

Сегодня мы имеем несколько мир-систем на планете - все они обладают собственными гуманитарными технологиями и традиционными ценностями и требуют для понимания в системе русского сознания обучения

переходным программам-трансформерам. В случае непонимания специфики систем можно утратить собственную систему ценностей, запустить в нее чужие программные коды под видом новых гуманитарных технологий. В 1980-е гг. западные политологи говорили о нескольких чертах, характеризующих «современное демократическое общество» и отмечали, что СССР для перехода в состояние «открытого общества» лишь не хватает двух-трёх социальных характеристик. М.С. Горбачёв по совету бездарных и продажных помощников пытался добавить в наш социум эти две-три «лично ориентированные характеристики»: «права человека», «демократия», «рыночные реформы». Эти характеристики наложились на закон о кооперации, разрушение министерской системы управления предприятиями, отмену монополии внешней торговли. Результат налицо: СССР погиб, так и не став исторической Россией. Аналогичная проблема стоит сейчас перед динамично становящейся РФ, которая еще не Россия. Мы настаиваем на сохранении традиции формирования и трансляции культурного опыта предков как условия сбережения Родины в ее единстве и непрерывности народной жизни.

Судьба России в быстро меняющемся мире третьего тысячелетия связана, прежде всего, с культурными, культурологически фиксируемыми особенностями бытия России, с научным выявлением культурного инвариантного ядра ее исторического развития. Обращение к современной политической культуре и системе образования (его называют сегодня *паленым*), когда многие процессы и явления ещё только разворачиваются и не имеют устойчивых очертаний, предполагает возможность практической коррекции социокультурной динамики повседневной жизни Российской Федерации как нового государственного образования в его преемственности с тысячелетней историей нашего народа.

Вся ушедшая в прошлое историческая Россия в виде ядра традиций политической культуры сегодня задает динамику новой России, возникшей на руинах СССР, который, равно как и современная РФ все же не состоялся в качестве России. Политическая элита РФ может быть уподоблена пингвинам, восседающим на айсберге и воображающим, что именно они управляют его движением, но на самом деле подчиненным таинственным потокам вод океана. Перед нами стоит задача целостного изучения политических традиций России - ядра скрытой части айсберга, направляющего, в конечном счете, все движение. Впрочем, вся эта тематика, говоря индизологично, «мистической силы русской равнины» выходит за рамки настоящего исследования. Она является предметом коллективных исследований последующих поколений ученых-культурологов, политологов, правоведов, поскольку она связана с объективным и длительным процессом становления Российской Федерации в качестве преемницы исторической России. Пока же мы не можем ответить на вопрос, каковы истоки сепаратизма и регионализма и является ли сепаратизм, равно как и сама спо-

способность России периодически распадаться, нашей политической традицией. Руководство страны и ученые под предлогом конституционного запрета 1993 г. на государственную идеологию вообще не дают определения современной эпохи, но тогда всем нам непонятно, к какому этапу развития России относятся его исследования: к постиндустриальному, постсоветскому, буржуазному, мутантному, информационному обществу, цивилизации «третьей волны»? В сознании общества отсутствует и классовый подход к пониманию общества и культуры, к традициям политической культуры и системы образования, хотя, как известно из истории, господствующей культурой в обществе была и остается культура господствующего класса.

В докладе ЮНЕСКО о качестве образования в мире за 1993 г. подчеркивается, что в свете нового видения развития мира, который начал зарождаться в 1990-е гг., в конечном счете, единственными значимыми ресурсами являются лишь знания, изобретательность людей, воображение и добрая воля. В мировой практике в качестве меры развитости повседневности используется «индекс человеческого развития» (ИЧР). ИЧР (иногда называемый Индекс развития человеческого потенциала) представляет собой интегральный показатель из трех компонентов, характеризующих развитие человека: долголетие, образованность и уровень жизни. Образованность измеряется комбинацией грамотности (с весом в две трети) взрослых и среднего количества лет обучения (с весом в одну треть). По уровню образованности Россия сейчас находится в конце четвертого десятка государств мира. Согласно докладу Мирового экономического форума наша страна в списке 49 стран, производящих 94 % валового продукта мировой экономики, занимает последнее место по «индексу технологий», являющемуся агрегатной оценкой научно-технического потенциала страны.

Когда Россия еще именовалась СССР, ее ИЧР составлял 0,920 против 0,961 у США, по этому показателю мы занимали в начале перестройки 26-е место против 19-го места у американцев. Американский ВВП на душу населения был в три раза больше советского, однако наша страна компенсировала отставание за счет науки и образования. Дело в том, что создание мощного научно-образовательного комплекса было значимым и перспективным достижением СССР. В.Т. Рязанов пишет: «Человеческий капитал», выражающий совокупные нематериальные активы общества, превращается в главный фактор международной конкурентоспособности стран в утверждающемся постиндустриальном мире. Поэтому накопленные знания и технологии, квалификация работников и управленческие ресурсы становятся необходимым условием процветания» [1]. Образование и наука составляли наше стратегическое преимущество, а вовсе не песенные «ракеты» и «балет». Однако падение образовательного потенциала и средней продолжительности жизни в стране привело к тому, что ИЧР России снизился с 0,920 до 0,849 и

страна уже к середине 1990-х гг. переместилась с 26-го на 52-е место в мировом рейтинге.

Об этих тенденциях свидетельствуют тиражи научно-популярной литературы: они уменьшились в 50-100 раз, а журналы «Знание – сила», «Химия и жизнь» стали самиздатом. Самое простое объяснение – у нас нет денег на науку и образование – напоминает аргумент, что в Сахаре нет воды, как на Марсе мало кислорода, однако место на прилавках заняла глянцевая макулатура с познавательной ценностью меньшей, чем у рулона туалетной бумаги. Новая литература и ее издатели получили льготы и финансирование за казенный счет в соответствии с Законом «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания РФ». Оборот в сфере «парапрактики и оккультных услуг» достиг миллиарда долларов, причем достижения в этой области стали возможны в тот момент, когда целителям начали выдавать лицензии органы местного самоуправления. В стране открылось более 120 самозванных академий, а на бюджетные деньги начали проводить широкомасштабные эксперименты на людях и осваивать эзотерику и оккультизм. На симпозиуме о необходимости борьбы с паранаукой и «соответствующим мышлению семи-, девятилетнего ребенка религиозным терроризмом» отмечалось, что под болтовню о перегрузке учащихся в школах и вузах учреждаются откровенно антинаучные программы, а в методической литературе Минобразования этому дается специальное обоснование. Когда газета «Коммерсант» проводила опрос общественного мнения и наиболее именитых граждан новой России на предмет доверия к астрологии, только один человек из дюжины давал четко отрицательный ответ. Если советской номенклатуре 1960-70-е гг. было свойственно непоследовательное просветительство и идеологическая зашоренность, то новая демократическая элита демонстрирует враждебность научному знанию, отрицание данных науки и ее методов. И хотя все понимают, что цирк и НИИ – разные инстанции, большинство шарлатанов и мракобесов предпочитают ныне мимикрировать под ученых, воспроизводя внешние формы их поведения. Лицензирование и привлечение авторитетных СМИ, использование обнищавшей профессуры представляет собой прямую угрозу, исходящую от образования. И если в России религиозное возрождение было в эпоху перестройки окрашено в светлые и гуманистические тона, то в 1990-е гг. происходит экспансия средневековой религиозности, враждебной не только науке, но общечеловеческим ценностям и образованию вообще. Хотя откровенно мракобесных изданий под лозунгом «Долой науку, да здравствует темнота и невежество!» у нас мало, большую часть работы в указанном направлении проводят солидные СМИ под вывеской плюрализма. В соответствии с иезуитскими методиками шарлатаны как бы разоблачаются, но разоблачение превращается в рекламу, в заключение которой приводится послесловие редакции типа: «Не беремся судить о тех вещах, в которых разбираться должны специалисты, поэтому обязательно

опубликуем точку зрения ученых, которые выскажут противоположные мнения».

В результате оказывается, что истина не отличима ото лжи, варварство от гуманизма, мракобесие – от просвещения [2]. Такой постмодернизм предполагает, что все оценочные суждения исходят из субъективного предпочтения, а на вкус и цвет товарищей нет. Получается, что и в повседневной жизни нет разницы между банком и пирамидой, свежей и фальсифицированной колбасой... Очевидно, что само научное сообщество неоднородно и разные его структурные подразделения в разной мере подвержены «разрухе в голове», причем целые отрасли гуманитарного знания разложились до такой степени, что наукообразное пустословие стало нормой, а в великие мыслители оказались произведены русские религиозные философы. На этом фоне уничтожение научно-популярной периодики стало предпосылкой организованного невежества. Вместе с тем само образование представляет источник опасности. Первая опасность возникает из неверной установки властей, согласно которой образование станет богаче, когда богатым станет государство и когда его экономика разовьется. Правильная формула должна звучать так: через богатое образование к богатой стране. Страна не может богатеть при оскудении науки и образования – богатеть могут отдельные личности. Если исходить из положения системы образования, то наша страна движется к собственной модели феодализма, поскольку феодальная экономика характеризовалась не востребованностью науки и наукоёмких технологий. Феодальное общественное сознание характеризовалось расцветом оккультизма, гаданиями, мистификациями сознания, наши книжные магазины и телеэкраны убедительно свидетельствуют в пользу эволюции страны в указанном направлении.

Библиографический список

1. Рязанов В.Т. Кризис индустриализма // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 512 - 513.
2. Результатом оказывается также появление нового атеизма интеллектуалов // Новый безбожник – журнал атеистического общества Москвы.